

И.В. Калинина

ЦИКЛИЧНОСТЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

Понятие «археологическая культура» — одно из основных в археологии. Однако все более ощущается необходимость расширения этого понятия как на теоретическом уровне в понимании соотношения культур и этносов, так и на эмпирическом уровне конкретных археологических исследований.

Археологические культуры, по определению, связаны с конкретной территорией и в своем бытовании ограничены во времени. Однако сама по себе смена археологических культур однозначно не знаменует смену населения: известны эпохальные трансформации культур, когда изменение облика археологических культур не было связано с приходом нового населения, а также на одной территории могли сменять друг друга культуры, не связанные между собой генетически. Но и в этом случае нет оснований предполагать полную смену населения.

Д.Г. Савинов на основании материалов разновременных археологических памятников из восточной части Евразийских степей предложил более широкое, чем «археологическая культура», понятие «культурное пространство», включающее «все возможные проявления того или иного сложившегося культурного комплекса... или многих культурных комплексов». Содержание понятия «культурное пространство» предполагает наличие культурных элементов, которые могут перекрывать во времени и пространстве границы выделенных археологических культур [Савинов 2003: 59, 52]. То есть вместо однозначного понятия «археологическая культура» была предложена динамическая модель развития во времени и пространстве культурных комплексов, включающая ряд соответствующих понятий и терминов. По мнению Д.Г. Савинова, решение вопроса о циклическом харак-

тере развития культурных традиций, «как бы “переживающих” археологические эпохи и воспроизводящих на новом качественном уровне, иногда и в иных материалах, прежние формы предметов... скорее всего связано с выделением центра и периферии культуры, где на какой-то период консервировались прежние элементы ранжированной культуры, готовые возродиться в качестве доминирующих при оформлении нового культурного пространства» [Там же: 58–59]. Подчеркнем, что речь идет о сохранении и возрождении элементов ранжированной культуры, воспроизводстве престижных форм предметов в других археологических культурах. При этом подразумевается, что морфологическое сходство вещей определяет сходство их функций, то есть мы имеем дело с тождественными в смысловом отношении явлениями.

Можно попытаться подойти к решению проблемы сходных форм предметов в разных археологических культурах в разные эпохи и с точки зрения древних технологий, в частности гончарного производства. Суть технологического подхода заключается в том, чтобы видеть в материальных предметах не формы, а «результат... предшествующей деятельности... приведшей к его созданию» [Цетлин 2012: 9]. У технологий по сравнению с отдельными культурами другой масштаб бытования во времени. Эмпирическим характером производственных знаний — непосредственной передачей навыков от мастера ученику — обусловлена консервативность ручных технологий, объясняется «неспособность носителей конкретных систем гончарной технологии к произвольным изменениям состава навыков труда» [Бобринский 1999: 52]. В древности умели делать только свой орнамент, а не орнамент вообще, только свои, а не чужие вещи. Передаваемые в традиционных культурах из поколения в поколение навыки взаимосвязаны с образными мировоззренческими смыслами этих культур. Другими словами, вещи не только умели делать, но и понимали их смысл в соответствии с мировоззрением своей культуры.

Распространение технологической традиции невозможно без перемещения носителей этой традиции. По мнению А.А. Бобринского, разработанная им методика изучения древнего гончарства позволяет «проследить генетическую преемственность между хронологически разными группами древнего населения, исследовать процессы смешения между носителями разных традиций изготовления керамики» [Бобринский 1979: 4]. Следуя этой методике в изучении керамики неолитических культур Верхнего Поволжья, Ю.Б. Цетлин пришел

к выводу, что «в рамках верхневолжской культуры существовали две группы населения со своими особыми традициями составления формовочных масс. <...> Однако в результате смешения произошло сращивание их технологических традиций и возникновение новой устойчивой традиции...» Такая же «ситуация смешения двух первоначально глубоко различных в культурном отношении групп древнего населения» имела место и в культурах с ямочно-гребенчатой керамикой и с так называемой «редкоямочной керамикой» [Цетлин 1980: 12–13, 13–14]. Ю.Б. Цетлин высказал «мысль о “чересполосном” или “узколокальном” бытовании носителей разных археологических культур на одной и той же территории» [Цетлин 2008: 250]. Такого рода наблюдения были сделаны и по отношению к другим археологическим культурам.

Д.Г. Савинов рассматривает контактную культурную зону как «следствие “наложения” двух (или нескольких) культур друг на друга (при условии их относительной одновременности). В результате на одной и той же территории оказываются “чересполосно” расселенными носители разных культурных традиций, взаимно влияющие друг на друга. Причины такого сосуществования... могут быть различными» [Савинов 2003: 54–56]. П.М. Кожин полагает, что в неолите «подсказанный спецификой керамики различный хозяйственный уклад изучаемых культур подразумевает возможность расселения представляющих их групп в близком соседстве и чересполосно. <...> Для культур с различным эколого-хозяйственным и производственным потенциалом в природной обстановке Верхнего Поволжья и средней полосы России в пределах даже весьма ограниченных ареалов могут быть выявлены оптимальные экологические ниши, свободные от посягательств соседей, ведущих иные формы хозяйства» [Кожин 1996: 231]. П.М. Кожин также замечено, что «устойчивое сохранение традиций в производстве возможно было лишь при сохранении этнически монолитной массы населения» [Кожин 1989: 61].

Для неолита Предуралья сомнений не вызывает различие камской и волго-камской культурных традиций [Третьяков 1972: 46–52]. Керамика памятников камского неолита обнаруживает сходство, которое, несомненно, отражает родственность населения в пределах Среднего и Нижнего Прикамья [Калинина 1979: 5–27]. Для культуры камского неолита не подтверждается распространенное представление, что «в “эпицентре” прослеживается максимальное совпадение общих признаков, тогда как на периферии характерные особенности данной

археологической культуры в значительной степени ослаблены» [Гурина 1973: 14], что памятники, расположенные на периферии культуры в зоне контактов пограничных культур, отличаются от памятников внутренних районов культуры смешанным характером материальной культуры, присутствием черт, заимствованных у соседних культур [Каменецкий 1970: 30]. Не прослеживается и сокращение территории гребенчатой камской культуры за счет увеличения территории накольчатой волго-камской культуры, как в предложенной Ю.Б. Цетлиным модели сосуществования неолитических культур Верхнего Поволжья [Цетлин 1991: 89–91]. Камская и волго-камская археологические культуры сохраняют культурную целостность до конца эпохи неолита. Только на некоторых поздних поселениях в Нижнем Прикамье встречены единичные сосуды со смешанными технологическими признаками [Калинина 1984б: 24–30].

В начале 80-х годов мною было высказано предположение о возможном сосуществовании не только на одной территории, но и в пределах одного поселения носителей разных культурных традиций [Калинина 1984а: 33–35]. В настоящее время авторы раскопок неолитической стоянки Варга 2 в Среднем Зауралье (Шигирский торфяник), датируемой IV тыс. до н.э., уже не сомневаются в синхронности фрагментов гребенчатой и накольчатой керамики кошкинского и кокшаровско-юрьинского типов, которые залегают в тонком непотревоженном слое, встречаются часто в одних и тех же скоплениях и связаны с легкими наземными кострищами [Жилин 2007: 9, 14].

Сосуществование в одной неолитической культуре разных гончарных традиций направляет поиск одинаковых технологических моделей за пределы данной археологической культуры. Как выясняется, одинаковые гончарные традиции, проявляемые в орнаментации неолитической керамики, прослеживаются в археологических культурах, удаленных друг от друга на значительные расстояния [Калинина 2000: 263]. Н.В. Козыревой был предложен вариант модели естественной миграции — свободного перемещения неолитического населения переднеазиатских раннеземледельческих культур. Три археологические культуры — Хассуна, Самара и Халаф, возникшие «в течение VI тыс. до н.э. в различных частях Северной Месопотамии... частично сосуществовали друг с другом хронологически и территориально, воспроизводя, возможно, зональные специализации... Самая ранняя из них — Хассуна... Примерно через 500 лет... в этом же регионе появился новый тип керамики, который исследователи называют

халафским... Первые несколько веков после его появления во многих поселениях одновременно изготавливались и использовались керамические изделия обоих видов, хассунского и халафского. Однако со временем хассунская керамика вышла из употребления, в то время как халафская продолжала существовать. <...> Постоянные свободные миграции... которые имели место в VI—IV тыс. до н.э. ...стали значительно сокращаться в конце IV тыс. до н.э. ...вытесняемые административно-организованной миграцией, но в периоды ослабления администрации масштабы естественной миграции вновь расширились» [Козырева 2011: 10—11, 16]. Особый интерес вызывает то, что современные исследования, основанные на археологических данных и письменных источниках, позволяют рассматривать древний мир «не как набор отдельных самостоятельных культурных единиц, но как собрание общностей, очень тесно связанных и активно контактировавших между собой в сфере экономики, идеологии и во многих других отношениях» [Там же: 3]. При этом важную роль в развитии общественных процессов в этот период, безусловно, играли постоянные контакты и взаимодействия между представителями разных культурно-хозяйственных групп» [Там же: 11].

Можно предположить, что в доисторическую эпоху не только на Ближнем Востоке на одной территории сосуществуют и контактируют неолитические культуры с разным хозяйственным укладом. Уже упоминавшиеся камская и волго-камская неолитические культуры различны по происхождению (представляют собой разные этносы) и уровню развития. О тесном взаимодействии этих культур свидетельствуют не только находки на поселениях разных в культурном отношении типов керамики. Нет археологических данных о самостоятельном освоении металла местными камскими племенами. Населению же с накольчатой керамикой металл был известен [Габяшев 1978: 40—66]. Очевидно, что металл был освоен не через эпизодическое знакомство с металлическими предметами, попадавшими к местным племенам, а путем получения навыков всего процесса добычи и обработки металла от носителей накольчатой керамики [Калинина 1984а: 35]. Именно активное участие носителей накольчатой керамики в этническом процессе обусловило в Прикамье переход к эпохе металла. Формирование новых археологических культур эпохи энеолита происходило в процессе длительного совместного бытования на одной территории и взаимодействия носителей разных культурных традиций.

В этнографии метод «расчленения культуры на ее субстраты» позволил Г.И. Пелих выделить из селькупского этноса пять компонентов, «вследствие чего появилась возможность оперировать при сравнении не отдельными элементами... а культурными комплексами с определенным уровнем и направленностью экономического развития и специфическими формами материальной и духовной культуры. <...> Современные селькупы как этнос появились в результате сложных процессов взаимодействия и слияния перечисленных компонентов» [Пелих 1972: 159, 237]. Для археологических реконструкций культурно-исторических процессов наибольшее значение имеет вывод о том, что в культуре этноса наиболее древние комплексы отнюдь не являются менее развитыми в экономическом и культурном отношении [Там же: 158], а также что «многие элементы материальной и духовной культуры, вошедшие в состав селькупских компонентов, встречаются и у соседних народностей, но уже в иных сочетаниях» [Там же: 237]. Археологические культуры, как и этносы, демонстрируют многокомпонентность. Изучение технологических традиций, участвовавших в сложении облика археологических культур, представляет собой, согласно П.М. Кожину, «попытку проникнуть с помощью новых методических приемов в глубину реальной этнокультурной жизни неолитических племен... а также наметить сложные пути древних этногенетических процессов, характеризуемых археологическими находками» [Кожин 1991: 221].

Исследование древних технологий поднимает проблему соотношения археологических понятий «технологическая» и «культурная» традиции. Встает вопрос: правомерно ли использовать термины «культурная» и «технологическая» традиции как синонимы? Все более становится очевидным, что археологическая культура разнородна по своим культурным компонентам, но при этом сохраняет определенную специфику, проявляемую в артефактах. Для большинства исследователей, «несмотря на продолжающиеся дискуссии вокруг соотношения понятий “археологическая культура” и “этническая общность”... в первом приближении археологическая культура действительно отражает существование определенных культурно-хозяйственных и социальных общностей, обладающих некоторым уровнем этнического самосознания» [Козырева 2011: 10]. Технологии же надэтничны.

«Археологические культуры» и «технологические традиции» характеризуют, с одной стороны, статику, с другой — динамику истори-

ческого процесса. В исследованиях археологов понятие «археологическая культура» остается базовым, вместе с тем возможны, по-видимому, и историко-культурные модели, опирающиеся на понятие «технологическая традиция».

Библиография

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1979.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: колл. моногр. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Габяшев Р.С. Второе Татарско-Азиебеевское поселение // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978. С. 40–66.

Гурина Н.Н. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР // МИА. 1973. № 172. С. 7–21.

Жилин М.Г. Результаты полевых археологических исследований стоянки Варга 2 на Шигирском торфянике // ВАРГА 2. Ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа): колл. моногр. / М.Г. Жилин [и др.]. Екатеринбург, 2007. Гл. 1.

Калинина И.В. Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1979. Вып. 20. С. 5–27.

Калинина И.В. О сосуществовании в Прикамье двух неолитических культур // Сообщения Государственного Эрмитажа. XLIX. Л., 1984а. С. 33–35.

Калинина И.В. Поздненеолитическая керамика I Саузовского поселения: к вопросу о трансформации культуры камского неолита при переходе к эпохе металла // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1984б. Вып. 25. С. 24–30.

Калинина И.В. Веревоочный орнамент в неолите (О соотношении понятий «археологическая культура» и «технологическая традиция») // ТАС. Тверь, 2000. Вып. 4. С. 263–267.

Каменецкий И. Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 18–36.

Кожин П.М. Значение керамики в изучении древних этнокультурных процессов // Керамика как исторический источник. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1989. С. 54–70.

Кожин П.М. Рец. на кн.: Ю.Б. Цетлин. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М.: ИА АН СССР 1991. 195 с. // СА. 1996. № 3. С. 219–222.

Козырева Н.В. Взаимодействие этнических групп в ранней истории Месопотамии // ВДИ. 2011. № 3. С. 3–29.

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во ТГУ, 1972.

Савинов Д.Г. Динамика культурного пространства (по археологическим материалам Центральной Азии и Южной Сибири) // Теория и методология архаики. Вып. 3: Стратиграфия культуры. Что такое архаика? СПб., 2003. С. 52–60.

Третьяков В.П. Ранненеолитические памятники Среднего Поволжья // КСИА. 1972. № 131. С. 46–52.

Цетлин Ю.Б. Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита // СА. 1980. № 4. С. 9–15.

Цетлин Ю.Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991.

Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К., 2008.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012.

Список сокращений

ВДИ — Вестник древней истории

КСИА — Краткие сообщения Института археологии

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

СА — Советская археология

ТАС — Тверской археологический сборник